

— Иду, иду... — Пожилой человек подошел к двери, выглянул в глазок и, увидев незнакомое лицо, спросил:

— Вы кто?

— Врача вызывали? — раздался за дверью женский голос.

— Нет, не вызывал.

— Как — не вызывали? У меня вызов записан... Вы ведь приписаны к пятьдесят шестой поликлинике?..

— К пятьдесят шестой... Да вы заходите, раз уж пришли... — Хозяин квартиры повернул головку замка и открыл дверь.

В прихожую вошла высокая худощавая женщина с темными, широко расставленными глазами. Темные с проседью волосы были закручены в тугий узел.

— Неудобно как получилось, — начал хозяин квартиры и вдруг спохватился: — А вы что, подменяете Анастасию Семеновну? Она — наша участковая.

— Анастасия Семеновна в отпуске, — проговорила женщина строго. — Я взяла всех ее боль-

ных. Раз уж пришла, давайте осмотрю вас. Тапочки дадите?

— Ах, да, пожалуйста... — Хозяин наклонился, достал из-под бархатной банкетки домашние тапки с розовыми помпонами и пододвинул врачу: — Вот, прошу.

Женщина переобулась и прошла вслед за хозяином в старомодный кабинет с массивным письменным столом красного дерева возле окна и с застекленными книжными шкафами, в узких простенках между которыми висели старинные черно-белые гравюры: лошади, батальные сцены, портреты каких-то военных в погонах и аксельбантах.

Кабинет прекрасно подходил к своему хозяину — старомодно-респектабельному, с породистым, тщательно выбритым лицом и короткими седыми волосами. Он был одет в домашнюю куртку из темно-красного бархата и тщательно отглаженные брюки.

— Итак, на что жалуемся? — спросила врач тем фальшиво-жизнерадостным тоном, каким обычно разговаривают врачи с безнадежными больными.

— Не знаю, на что жалуетесь вы, — ответил ей мужчина с едва заметной иронической улыбкой, — а я в основном на возраст. В мои годы трудно рассчитывать на олимпийское здоровье, но я пока в форме. Ну, бывают изредка сердечные перебои, а в целом все не так плохо. Вряд ли у вас есть лекарство от возраста.

— То есть у вас аритмия? — уточнила врач. —
Что от нее принимаете?

— Да вот, Анастасия Семеновна прописала... —
И мужчина показал коробочку с лекарством.

— Принимаете регулярно?

— Ну да, я вообще человек дисциплиниро-
ванный.

— Что ж, давайте посмотрим, какое у нас дав-
ление.

— У вас, думаю, нормальное.

— Я оценила ваш юмор, — сухо проговорила
врач, надевая на руку пациенту манжету тономет-
ра. — В вашем возрасте чувство юмора способствует
здоровью... Что ж, сто сорок на восемьдесят пять —
не так уж плохо для ваших лет. Теперь внимательно
следите глазами за этим молоточком...

— А вы что — невролог?

— Я — мастер на все руки.

Она начала водить перед глазами пациента
блестящим хромированным молоточком, говоря
при этом монотонным бесцветным голосом:

— Внимательно следите за молоточком... вы
чувствуете, как ваши глаза устают и слипаются...
чувствуете, как веки становятся тяжелыми... вы
чувствуете, как приятное тепло разливается по
всему вашему телу... ваши руки и ноги словно на-
ливаются свинцом, но это приятная тяжесть... вы
засыпаете... засыпаете... вы уже заснули... вы
слышите только мой голос, больше никаких зву-
ков, и вы беспрекословно выполняете все, что
я вам прикажу...

Хозяин квартиры действительно заснул, точнее, погрузился в глубокое гипнотическое забытие. Женщина щелкнула пальцами перед его лицом, чтобы убедиться, что он спит, после этого вышла на кухню, налила стакан воды и вернулась в кабинет. Поставила стакан на стол, достала из сумки небольшой пузырек темного стекла, нажала на него какой-то жидкости и настойчиво проговорила:

— Выпейте!

Спящий хозяин квартиры послушно выпил содержимое стакана, и вдруг лицо его внезапно побелело, дыхание стало частым и хриплым, он схватился за сердце.

Женщина равнодушно наблюдала за этой агонией.

Хозяин квартиры дышал с трудом, широко разевая рот, как выброшенная на берег рыба. Затем упал на пол, забился в судорогах, после чего вытянулся и застыл.

Фальшивый врач опустилась рядом с ним на колени и проверила пульс. Убедившись, что пациент мертв, встала, унесла на кухню стакан, вымыла его, протерла платком все, к чему прикасалась, убрала на прежнее место тапочки и вышла из квартиры.

Рослый молодой человек в черных джинсах и коричневой кожаной куртке вышел из кругло-суточного магазина, подошел к своей машине и забросил в багажник пакеты с продуктами. Он

хотел уже сесть за руль, но в это время к нему приблизилась высокая, худощавая женщина с темными, широко расставленными глазами и, протягивая связку ключей, проговорила:

— Это не вы потеряли?

— Да нет, не я... — Молодой человек на всякий случай проверил карманы куртки.

— Вы уверены? — настойчиво повторила женщина, покачивая перед ним ключами. — Вы посмотрите внимательно... посмотрите внимательно... внимательно...

Он против своей воли смотрел на равномерно раскачивающиеся блестящие ключи, а женщина говорила тихим, монотонным голосом:

— Вы не сводите глаз с ключей... вы внимательно следите за ними... ваши глаза устают... ваши веки слипаются... ваше тело наливается приятной теплой тяжестью... вы спите, спите... вы слышите только мой голос... вы беспрекословно подчиняетесь этому голосу и сделаете все, что я вам прикажу...

Молодой человек действительно застыл, погружившись в глубокий гипнотический транс.

— Когда я сосчитаю до трех, вы проснетесь, сядете за руль, а дальше сделаете вот что... — Тем же монотонным голосом она произнесла короткую инструкцию, а затем отчетливо проговорила: — Раз, два, три!

Молодой человек открыл глаза и удивленно огляделся. Ему показалось, что он только что с кем-то разговаривал о чем-то важном, но сей-

час рядом с ним на стоянке никого не было, только слышались чьи-то удаляющиеся шаги.

— Что за черт?.. С чего это у меня начались глюки? — протянул он в недоумении и пожал плечами, затем захлопнул багажник, сел за руль и выехал со стоянки.

Через минуту молодой человек уже ехал по оживленной улице.

Впереди загорелся красный сигнал светофора, он хотел было затормозить, но в него как будто вселилась какая-то злая, непреодолимая сила. Под действием этой посторонней силы он надавил на педаль газа и на полной скорости выехал на перекресток.

Слева в его машину врезалась грузовая фура.

Раздался скрежет тормозов, звон бьющегося стекла, испуганные голоса немногочисленных прохожих, но молодой человек ничего этого уже не слышал: капот фуры смял его машину, как пивную банку, и превратил водителя в сгусток окровавленной плоти.

— Кортнева, зайди ко мне! — раздался в динамике голос шефа.

Алена вздрогнула. Такой вызов не предвещал ничего хорошего. Особенно с утра.

Все сотрудники их компании знали, что по утрам у шефа всегда отвратительное настроение, и именно на эти часы он назначает выволочку провинившихся сотрудников. Причины плохого настроения не знал никто, даже вездесущая секретарша Катька Веселова. Вроде бы шеф не пил, так что не мучился

по утрам похмельем, с женой давно разъехался, дети были достаточно взрослыми и жили своей жизнью. Жил шеф в большой квартире в элитном доме, так что у него под окном не скандалили подвыпившие соседи и не лаяли собаки.

Про квартиру рассказала та же Катька — возила как-то к шефу документы на подпись, когда он сломал лодыжку, катаясь на лыжах где-то в Альпах. В остальном шеф был удивительно здоровым человеком, даже простудой осенью не болел.

Так что коллектив терялся в догадках — с чего шеф каждое утро такой злющий? Не может же человек все время вставать с левой ноги.

В конце концов, все просто смирились с этим, как смиряются с плохой погодой. Поэтому Алена удивилась только повышенной злобности в сегодняшнем голосе шефа и стала судорожно припоминать, в чем могла провиниться.

Все документы по действующим страховкам у нее в полном порядке, текущие платежи поступают исправно, портфель договоров один из самых больших в компании... Казалось бы, шеф должен быть доволен. В чем же дело?

— Кортнева, я жду! — прогремел динамик.

Интонация шефа не предвещала ничего хорошего. К тому же он назвал ее по фамилии.

Перед клиентами шеф всячески старался демонстрировать хорошие манеры, а чтобы не потерять форму, практиковался на своих сотрудниках, обращаясь к ним исключительно на вы и по отчеству, а когда был особенно доволен (что слу-

чалось очень редко) — по имени, как к друзьям или членам семьи. Он так и говорил: «Мы — это одна большая, дружная семья».

Но вот когда он называл сотрудника по фамилии и обращался к нему на ты — держись! Это означало, что тебя ждет жестокий разнос.

— Кортнева! — рявкнул динамик. — Ты что там — умерла? Сколько можно ждать?

Алена схватила папку с текущими договорами, мимоходом посмотрела на себя в зеркало, висевшее в простенке, и влетела в кабинет директора, пытаясь придать лицу спокойное выражение. Не получилось.

— Извините, Лев Львович... — проговорила она торопливо, усаживаясь напротив него. — Я подбирала документы...

— Я тебе что — разрешил сесть? — Шеф поднял на нее мрачный взгляд из-под густых бровей.

Сейчас имя как нельзя больше подходило ему. Настоящий лев — густая грива, пылающий взгляд, хищный оскал и голос, напоминающий львиный рык.

— Я тебе разрешил сесть? — повторил он с яростью.

Это было что-то новенькое.

Во всяком случае, на памяти Алены не случилось, чтобы он заставлял сотрудников выслушивать нотации стоя.

Она почувствовала, что где-то внутри поднимается самая настоящая паника и, из последних сил держа лицо, начала подниматься, но шеф потрянул гривой и прорычал:

— Сиди уж... пока.

И замолчал, мрачно глядя на нее.

Алена нервно перекалывала бумаги, пытаясь понять, что ему нужно. В одном она не сомневалась: на ее голову грядут неприятности. У нее всегда была развита интуиция, это уж точно.

Наконец шеф заговорил:

— Ты что, Кортнева, работаешь на моих конкурентов?

Вопрос был чистой воды провокацией, и Алена промолчала.

Шеф сделал вторую попытку:

— Ты хочешь разорить меня?

— О чем вы, Лев Львович? — проговорила Алена.

Знала же, что не нужно поддаваться на провокации. Знала, что нужно молчать, но не удержалась.

— О чем? — прогремел он. — О том, что у нас не благотворительный фонд! У нас коммерческая фирма, и задача наших сотрудников — приносить прибыль!

— Я приношу... — попыталась вклиниться Алена, — у меня больше всех договоров...

Лучше бы она этого не говорила. Ведь известно же, что с начальством не только не спорят, но и не соглашаются: лучше всего вообще молчать. Только кивать, как китайский болванчик, — виновата, мол, исправлюсь, все будет сделано, только скажите, не подведу, не подведу, не подведу...